

Против реакционной теории в психологии

В. С. МЕРЛИН (Казань)

Среди различных течений и теченьиц современной реакционной, антинаучной психологии довольно широкое распространение в буржуазных странах получила так называемая «теория фрустрации». Согласно этой «теории», личность может развиваться лишь в таких условиях, когда она испытывает лишения и страдания, не имея возможности удовлетворить свои насущные потребности. Политический смысл этого основного тезиса «теории фрустрации» заключается в признании социальных бедствий: войн, безработицы, капиталистического гнета — необходимыми для развития личности. С точки зрения подобной «теории», в обществе, где все направлено к максимальному удовлетворению материальных и культурных потребностей людей, где все служит задаче обеспечения интересов народа, т. е. в условиях строительства социализма и коммунизма, скольконибудь успешное развитие личности якобы невозможно.

Слово «фрустрация» буквально означает неудача, напрасное ожидание. «Теория фрустрации» и призвана внушать, что страдания, испытываемые в условиях империализма миллионными массами, необходимы, так как они будто бы обуславливают духовное совершенствование человека. Разного рода наукообразные выкрутасы псевдоученых психологов, именуемые «теорией фрустрации», призваны служить прикрытием этой циничной издевки над лишениями людей.

Любую неудовлетворенность, испытываемую людьми, сторонники этой «теории» стремятся изобразить как всеобщее и необходимое условие не только развития личности, но и жизнедеятельности организма вообще.

За исключением потребности в воздухе, рассуждает, например, Саймондс, все остальные потребности никогда не удовлетворяются полностью в каждый момент жизни. Но это лишь... на пользу человеку, так как только благодаря конфликтам он способен развиваться и достигать зрелости в окружающем мире.

«Теория фрустрации» обращена главным образом к биологическим потребностям людей. Она подчеркивает, например, «благодетельное» значение для развития личности мучений из-за голода, жажды, болезней и т. п. «Теория фрустрации» пытается доказать, что народные бедствия необходимы для того, чтобы могла развиваться «сильная личность». Это — способ оправдания атомной и бактериологической войн, блокады, массовых средств уничтожения людей.

Толкование законов развития личности как законов извечных, биологических нужно «теории фрустрации» для того, чтобы представить специфические условия формирования индивидуальности, характерные для капиталистического общества, как условия всеобщие и необходимые для всякого общества на любой ступени его исторического развития. С точки зрения «теории фрустрации» надо было бы, повидимому, считать, что максимальное удовлетворение потребностей человека — закономерное для социалистического общества — противостоит, так как оно противо-

речит-де биологической сущности организма, который всегда в чем-нибудь должен испытывать нужду. Лишения из-за голода, войны, нищеты «естественны», так как только благодаря этому организм, видите ли, проявляет свою активность. Такова рабовладельческая, людоедская, мальтузианская сущность этих рассуждений.

«Теория фрустрации» исторически и идейно возникла на основе концепций Фрейда, Адлера, так называемой «динамической психологии». Их общая идейная основа заключается в утверждении, что главную роль в развитии личности играют филогенетически древние мотивы поведения. Один из современных сторонников динамической теории, Диссеренс, выражает эту мысль в такой форме: «Энергия мотива изменяется прямо соответственно его примитивности» (Disserens, Charles, and Vaughn. The experimental Psychology of Motivation Psychol. Bullet. 28. № 1. 1931).

Степень филогенетической древности мотивов, которую принимают за исходную и определяющую развитие личности, у различных представителей «теории фрустрации» различна. В большинстве случаев за исходные и определяющие принимают мотивы поведения животных — голод, жажду, половой инстинкт, инстинкт самосохранения и т. п. Исходя из этого, считают возможным искать обоснования «теории фрустрации» путем экспериментов над крысами, заставляя их голодать, испытывать страх, боль и другие «лишения» и «расстройства». Имеются, однако, и такие «исследователи», которые останавливаются на более поздней филогенетической ступени, на чисто человеческих мотивах, возникающих, по их мнению, на первом этапе развития человечества. В этом случае за исходные и определяющие они принимают такие мотивы, как самоуважение или ощущение поддержки. Неудовлетворение именно этих мотивов лежит, как они полагают, в основе «фрустрации».

Несмотря на то, что во втором случае речь идет как будто о социальных мотивах, однако чувство самоуважения или чувство взаимопомощи, понимаемые как «вечные» человеческие мотивы, тем самым лишаются всякого конкретно-исторического и подлинно социального содержания.

Легко понять, в чем заключается истинный смысл признания ведущей роли наиболее древних побуждений в развитии личности. Если те мотивы, неудовлетворение которых лежит, с точки зрения «теории фрустрации», в основе развития личности, вечны и неизменны, то вечны и неизменны также законы развития личности и объективные условия, от которых она зависит. В социалистическом обществе многие «филогенетически древние мотивы» — голод, страх за свое будущее, унижение человеческого достоинства — полностью исчезают. Тем хуже для вас, заявляет «теория фрустрации», вы не в состоянии развивать свою личность, так как исчезли побудительные мотивы поведения.

Исходя из господствующей роли филогенетически древних мотивов, сторонники «теории фрустрации» пытаются объяснить процесс индивидуального развития человека.

Филогенез отражается в онтогенезе. Филогенетически древние мотивы с наибольшей обнаженностью и интенсивностью выступают-де в раннем детстве. Неудовлетворение этих примитивных мотивов в раннем детстве играет, согласно «теории фрустрации», решающую роль во всем последующем развитии личности.

Так возникает убеждение в фатальной предопределенности личности событиями раннего детства.

Но ведь чем старше ребенок, тем больше и глубже он усваивает определенное мировоззрение, нормы, идеалы поведения. Политический смысл «теории фрустрации» в этом плане заключается в полном отрицании классовой и вообще социальной типичности личности. Вместо социальной сущности «теория фрустрации» признает мифическую внутреннюю энергию, с помощью которой разные люди преодолевают «фрустрации» раннего дет-

ства. В зависимости от мощности этой энергии складывается, мол, в большей или меньшей степени личность человека.

Развитие личности сводится лишь к бесконечному повторению конфликтов раннего детства. В зависимости от возраста изменяется лишь форма маскировки подлинных мотивов, а содержание конфликта остается якобы все время тем же самым.

Рассмотрим центральное положение «теории, фрустрации» о положительной и при том решающей роли в развитии личности неудач, страдания.

С точки зрения этой «теории», при достаточно сильном неудовлетворении возникает защитная реакция на переживаемую травму. Эта защитная реакция заключается в том, что источник неудовлетворения переживается как враждебный субъект, как активный «виновник» неудовлетворения. В качестве такового он становится объектом агрессивной реакции.

Такая агрессивная реакция имеет, как правило, иррациональный характер, подобно тому как ребенок, получив ушиб, с досадой ударяет по неодоушевленному предмету, видя в нем виновника испытываемой им боли. Агрессивная реакция может направляться не только против внешнего предмета, но и против самого себя. Тогда она выражается в раскаянии, самообвинении, в самобичевании. Благодаря такой разрядке ликвидируется «напряжение».

Различные формы агрессивных реакций и создают якобы целый ряд установок и отношений личности. Ясно, что тем самым поведение человека рассматривается как стихийное, бессознательное. Устраняется необходимость осознания обстановки и истинных условий, порождающих неосуществимость желаний и стремлений человека. Примитивное, по существу, животное отношение к действительности — так расцениваются людские поступки в «теории фрустрации».

Иррационализм — типичный и характерный признак идеологии гибнущего класса. Гибнущий класс не верит в силу разума, так как разум открывает лишь неизбежность его гибели.

Иррационализм «теории фрустрации» неизбежно, приводит к иррациональным и субъективистским приемам истолкования конкретных фактов. В этом отношении «теория фрустрации» родственна фрейдизму. В ошибочных и навязчивых образах, обмолвках, ассоциациях, сновидениях сторонники этой «теории» видят символическое проявление агрессивных реакций, связанных с событиями раннего детства. Реакционная, людоедская «теория фрустрации» лишена научного обоснования. Ее фактическую несостоятельность проиллюстрируем данными нашего исследования психологических конфликтов.

Для исследования были использованы случаи психологических конфликтов, возникших на основе острой потери трудоспособности или неожиданной отрицательной оценки трудовых и общественных свойств личности. Исследование проводилось на нескольких заводах и в институте и сочеталось с соответствующей воспитательной работой. Оно охватывает свыше семидесяти случаев.

Психологический конфликт — это глубокое потрясение личности, проявляющееся в подавленном настроении, в потере или ослаблении интересов, пониженной трудоспособности, утрате или ослаблении прежних свойств характера и т. п. Совершенно очевидно, что неудовлетворение как кого-либо слабого, поверхностного мотива не может вызвать психологического конфликта. Только неудовлетворение очень глубокого и активного мотива может вызвать потрясение личности.

Какую же роль в психологических конфликтах передового-советского человека играют элементарные филогенетически древние мотивы и мотивы, созданные и воспитанные в социалистическом обществе?

Ответ на этот вопрос надо искать в анализе, например, трудовых конфликтов. Объективная ситуация, порождающая такой конфликт, заклю-

чается или в умалении трудовой чести или вообще в отрицательной социальной оценке моральных качеств советского человека. Психологический конфликт возникал после полученного выговора по работе или в результате осуждения работы товарищами на собрании или, наконец, когда наблюдаемый сам убеждался, что недостаточно хорошо справляется со своей работой. Конфликт наступает и после того, как наблюдаемый нарушил свой общественный долг, пожертвовал насущными интересами коллектива и т. п. Мы отмечали также психологические конфликты, возникшие после необоснованного обвинения, наблюдаемого в плохом выполнении им своих общественных обязанностей. Во всех этих случаях в жалобах и высказываниях наблюдаемых наиболее ярко и полно отражаются мотивы, исторические новейшие, типичные и характерные именно для советского человека, — мотивы трудовой чести, служения коммунистической Родине, преданности делу коммунизма и т. п. Но жалобы и высказывания наблюдаемых, взятые сами по себе, могут быть еще оспариваемы в качестве надежных показателей подлинных причин конфликта. Можно ведь допустить, что в этих жалобах проявляется тенденция приукрасить свою личность как в собственных глазах, так и в глазах окружающих, стремление объяснить свое поведение с точки зрения присущих нашему обществу нравственных норм поведения. Разобраться в этом вопросе помогают два чисто объективных критерия. Первый — это сопоставление аргументации с биографией наблюдаемого. В ряде случаев мы отмечали при этом несколько повторяющихся и однородных конфликтных ситуаций, которые вызвали одновременно и психологический конфликт и одинаковый способ действий. Если конфликт возникает повторно при одинаковых обстоятельствах и проявляется в одинаковом способе действий, — следовательно, неудовлетворение связано именно с данной объективной ситуацией. Другим объективным критерием подлинных мотивов конфликта служит ход и исход конфликта. Если конфликт разрешается только тогда, когда наблюдаемый находит новые пути восстановления своей трудовой полноценности или когда он реабилитирует себя полностью в глазах своего коллектива, это означает, что в своих жалобах на оскорбление трудовой чести и достоинства советского человека он отражал подлинные причины конфликта.

Эти примеры исследования психологических конфликтов не открывают нам чего-либо нового, неизвестного в психологическом облике советского человека. Вся наша общественная практика, опыт Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны с достаточной очевидностью говорят о глубине и силе таких мотивов, как преданность делу коммунизма и нашей Родине, творческое коммунистическое отношение к труду и т. п., — мотивов исторически новейших, специфичных для советского человека.

Изучение психологических конфликтов позволяет опровергнуть и другое положение «теории фрустрации» — о якобы фатальной предопределенности развития личности в результате неудовлетворения потребностей в раннем детстве. «Динамическая психология» могла придать некоторую правдоподобность этому положению только потому, что анализировала хронических невротиков. Психологический конфликт невротика нельзя, естественно, объяснить только той объективной ситуацией, которая непосредственно предшествовала конфликту. Нужно искать, какие условия жизни в прошлом, вплоть до обстоятельств раннего детства, сделали человека невротиком.

Однако в противоположность «динамической психологии» мы изучали не хронических невротиков, а людей нормальных, переживших психологический конфликт недавно. Самое тщательное изучение истории личности не обнаруживает при этом в раннем детстве никаких невротических проявлений или конфликтов. Крайне неправдоподобно поэтому, чтобы неудовлетворение первичных мотивов в раннем детстве не дало в свое время никакого заметного эффекта и эффект этот обнаружился бы только

в зрелом возрасте и притом в связи с такой объективной ситуацией, которая совершенно невозможна в раннем детстве.

Вот почему имеются все основания утверждать, что подлинной причиной конфликта является непосредственно предшествовавшая конфликту объективная ситуация, а не филогенетически древние мотивы.

Из сказанного вытекает и дальнейшее. Неудовлетворение мотива, действительно, является необходимым источником активной деятельности человека. Лишь потому, что человек не в состоянии полностью удовлетвориться настоящим, он стремится к лучшему будущему. Но напрасно враги социализма постоянно вопят, что человеку нужен кнут голода, нищеты, безработицы, войны, чтобы побуждать его к труду и творчеству. Вовсе не отсутствие реализованных потребностей, а, наоборот, именно удовлетворение испытываемых потребностей ведет к возникновению новых, все более широких и разнообразных потребностей людей. Маркс и Энгельс писали: «...Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей есть первое историческое дело» (Соч. Т. IV, стр. 18).

Не из-за лишений — разочарования и страданий — советские рабочие становятся передовиками производства. Наоборот, рост материального благосостояния народа, подъем культуры и техники определили распространение стахановского движения.

Подлинные движущие силы развития личности нужно искать не в конфликте, а вне его, в той продуктивной трудовой и общественной деятельности, которая формирует идейные мотивы.

Физиологической предпосылкой разрешения конфликта служит восстановление работоспособности коры, утраченной или пониженной из-за перенапряжения нервных процессов в критической ситуации конфликта. Такое восстановление достигается благодаря предшествовавшему развитию охранительного торможения. Но эти физиологические предпосылки восстановления легко создаются лишь тогда, когда в силу объективных общественных условий имеются налицо все возможности для осуществления социально ценных целей.

Лишь в социалистическом обществе при максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей человека становится возможным действительный и полный расцвет личности.

Иезуитское оправдание страдания, лейтмотив «теории фрустрации» — это новая гнилая попытка оправдать посредством словесных трюков, софизмов и мифов о психологической и физиологической сущности психологических конфликтов социальные бедствия людей в условиях капиталистического общества.